

Виталий Портнов: Приближается юбилей с момента присоединения в 1998 году России к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. С самого начала Вы участвуете в рассмотрении жалоб, поступающих из России.

И вот первый вопрос: как, по Вашему мнению, изменился характер и содержание этих жалоб за последние годы?

Христос Розакис: Мне кажется, что существует большое различие между первыми годами участия России в механизме защиты прав человека здесь, в Страсбурге, и последующими годами. По-прежнему мы рассматриваем большое количество жалоб, которые поступают из России, и по-прежнему многие жалобы отклоняются без последующего рассмотрения, но, что интересно, сейчас происходит нормализация, причем этот процесс нормализации наблюдается по двум направлениям.

Во-первых, сначала было много дел, не относящихся к компетенции Европейского Суда, так как люди просто не знали об этой возможности защиты своих прав, однако сейчас количество таких дел сокращается. Конечно, по-прежнему сохраняются дела, которые совершенно не относятся к нашей компетенции, не входят в полномочия Европейского Суда. В любом случае, заявители, адвокаты — все те, кто участвует в процессе подачи жалобы в Европейский Суд, — лучше знают наш Суд по сравнению с прошлым.

С другой стороны, сам характер жалоб, которые к нам поступают, в каком-то смысле отличается от тех жалоб, которые поступали в первые годы после присоединения России к системе защиты прав человека в Страсбурге. Сначала было много очень серьезных нарушений прав человека. Много было дел по статье 2 Конвенции, которая защищает право на жизнь, дел, касающихся пыток, бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращения или произвольного содержания под стражей, то есть тех дел, которые касались прав, защищаемых соответственно статьями 2, 3 и 5 Конвенции. Такая ситуация сложилась сразу после присоединения России к Конвенции, и она касалась большого числа дел. Сейчас такие дела по-прежнему существуют, но их меньше.

В то же время, с другой стороны, стало больше дел, связанных, если позволите так сказать, с техническими нарушениями. Например, теперь у нас много дел, касающихся статьи 6 Конвенции, которая предусматривает право на справедливое судебное разбирательство. К этой категории относится большое количество дел, связанных с доступом к правосудию, как, например, дела, касающиеся пересмотра судебных решений в порядке судеб-

ИНТЕРВЬЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА С Г-НОМ ХРИСТОСОМ РОЗАКИСОМ¹, ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПЕРВОЙ СЕКЦИИ СУДА

ного надзора². Когда я говорю судебный «надзор», я имею в виду и прежнюю систему надзора, и новую систему надзора. Представляется также, что даже после изменений законодательства, которые имели место в России, все равно сохраняются недостатки и в новой системе надзора. И даже есть еще одна проблема — большое количество дел с совершенно неприемлемыми по длительности сроками судебного разбирательства. Время от времени появляются дела, которые касаются выдачи лиц в страны бывшего СССР. По-прежнему имеется большое количество дел, связанных с условиями содержания под стражей. Но в качестве замечания общего характера я сказал бы следующее: в настоящее время с Россией связаны дела, которые в целом можно сравнить с делами, исходящими из других стран. Однако, с другой стороны, в отношении России отсутствуют дела, касающиеся статьи 8 Конвенции, то есть затрагивающие проблемы частной и семейной жизни. Я, конечно, не знаю,

по каким причинам, но я считаю, что количество такого рода дел крайне незначительно. Это, на мой взгляд, связано с тем, что заявители, у которых большой потенциал, просто не знают, что в таких делах они могли бы получить эффективную и адекватную защиту своей частной и семейной жизни.

Виталий Портнов: А какие обращения на сегодняшний день являются наиболее актуальными и представляются наибольшим интересом?

Христос Розакис: Я сначала скажу о том, какие вообще дела на данный момент представляются в нашем Суде наиболее актуальными. Я могу сказать, что существует три категории таких вот современных дел. Во-первых, это дела, связанные с биоэтикой, дела, связанные с защитой окружающей среды, и дела, связанные с нравами общества, в особенности с личной жизнью: гомосексуализм и т.п. По этим категориям дел присутствие России невелико. Скорее время от времени встречаются дела, связанные с защитой окружающей среды, но практически отсутствуют дела по биоэтике и по нравам общества. Я думаю, что и в этом случае это связано с незнанием населением России того, что наш Суд может вмешаться и защитить права граждан.

Виталий Портнов: Скажите, пожалуйста, какие системные проблемы вы видите?

Христос Розакис: Если говорить о системных нарушениях, то я думаю, что они связаны скорее со стать-

¹ Биографический очерк г-на Христоса Розакиса был опубликован во 2-м номере журнала за 2008 год (примечание редакции).

² Слово «надзор» г-н Розакис употребляет по-русски (примечание редакции).

ей 6 Конвенции. Вот, скажем, я уже приводил пример с надзором. Каждый месяц Палата рассматривает два-три дела, связанных с надзором. Еще одно: неисполнение судебных решений. Кроме того, по-прежнему сохраняются проблемы со статьями 2 и 3 Конвенции, в особенности по отношению к Чечне. Что касается этой последней категории, я бы не назвал эти нарушения систематическими, потому что это касалось определенного периода на протяжении двух «чеченских войн». Но сейчас наступила нормализация. Я понимаю, что российские власти готовы изменить законодательство и правоприменительную практику в том, что касается статьи 6 Конвенции, они уже внесли изменения в процедуру пересмотра судебных решений в порядке надзора, а также собираются предпринять усилия для того, чтобы произвести другие изменения в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда.

Виталий Портнов: Ну, и последний вопрос: какие процессуальные меры принимает Европейский Суд для ускорения рассмотрения жалоб?

Христос Розакис: Вы, конечно, знаете о том, что существует проблема жалоб, которые находятся на стадии рассмотрения, но, тем не менее, по ним не выносятся решений на протяжении многих лет. Сейчас почти сто тысяч дел ожидают своего рассмотрения. И поскольку Протокол № 14 к Конвенции, который дал бы нам возможность ускорить рассмотрение дел, к сожалению, так и не вступил в силу¹, мы вынуждены выступать с инициативами, которые, разумеется, выходят за рамки этого Протокола, но которые в той или иной степени соответствуют общим принципам, закрепленным в данном Протоколе. И в том, что мы сейчас делаем, мы как раз и пытаемся, как Вы говорите, ускорить процедуру, предусматривая при этом некоторые меры на основе Протокола № 11 к Конвенции, который уже вступил в силу. Например, мы используем положения пункта 3 статьи 29 Конвенции, которые позволяют нам рассматривать дело после сообщения Председателя Палаты, то есть дело не направляется в Палату для принятия решения. Вместо этого решение принимается Председателем Палаты с участием докладчиков. Кроме того, вместо того, чтобы принимать после сообщения два отдельных решения — решение о приемлемости жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу и постановление по существу дела, — мы сейчас принимаем одно общее решение: и о приемлемости, и по существу. Что это нам дает?

Во-первых, мы не теряем времени на вынесение двух отдельных решений. Кроме того, это дает возможность для государства-ответчика по делу найти форму дружеского урегулирования спора, не дожидаясь вынесения окончательного решения, сразу после сообщения Председателя Палаты.

Еще мы начали реорганизацию нашего Секретариата. В частности, в отношении стран, которые являются нашими основными «поставщиками» дел, таких как, например, Россия, мы начали разделять Секретариат на две части. Одна часть Секретариата занимается явно неприемлемыми жалобами, которые напрямую передаются в комитет из трех судей. С другой стороны, другая часть Секретариата занимается серьезными делами, которые напрямую передаются в Палаты.

Цель этих нововведений — ускорить, прежде всего, рассмотрение серьезных дел. Раньше была такая тенден-

ция: Секретариат склонялся к тому, чтобы заниматься более легкими делами, которые, понятно, являлись неприемлемыми, а серьезные дела откладывались в долгий ящик, причем на многие годы. Уже в то время одним из критериев эффективности работы Секретариата стало количество рассмотренных дел, но вовсе не обязательно их качество. А сейчас наоборот: мы скорее обращаем внимание на качество, а не на количество. Очень интересно отметить, что после внедрения этого нового метода работы, благодаря этим новым подходам увеличилось не только количество рассмотренных серьезных дел, но и количество неприемлемых жалоб. Мне кажется, что это результат специализации Секретариата по конкретным делам. Потому что те, кто работает сейчас с неприемлемыми делами, накопили по ним больше опыта, чем у них было раньше, когда они занимались всеми категориями дел.

Завершая, я хочу сказать, что два года тому назад Европейский Суд создал рабочий комитет по методам работы Суда. Этот комитет занимается всеми этими проблемами ускорения рассмотрения дел для того, чтобы найти решение не только тех двух проблем, которые я уже затронул, но и других процессуальных проблем, которые предстоит решить. Но, разумеется, мы по-прежнему ожидаем ратификации Протокола № 14 к Конвенции со стороны России. Это могло бы привести к появлению более радикального решения проблемы ускорения рассмотрения дел.

Виталий Портнов: Можно еще два уточняющих вопроса? Что касается Протокола № 14 к Конвенции, там есть статья 16, касающаяся запросов Комитета министров. Это новация. Не будет ли это нововведение камнем преткновения, который заблокирует работу Суда? Суд будет заниматься не правом, а политикой.

Христос Розакис: Я понимаю Ваш вопрос. Хотя Протокол, конечно, предлагает такой подход, мы тем не менее сохраняем собственные полномочия в том смысле, что мы можем сами решать, принимать или не принимать запрос от Комитета министров. Поэтому защита нашей юридической природы пока состоит в том, что мы, учитывая конкретные обстоятельства, будем решать, принимать запрос от Комитета министров или нет, то есть решение остается за нами.

Виталий Портнов: И второй уточняющий вопрос: надзор все-таки нужен или нет?

Христос Розакис: Лично у меня сохраняются сомнения по системе надзора. Конечно, в европейских странах существуют чрезвычайные процедуры, которые следуют за обычной процедурой и которые завершаются окончательным решением (*res judicata*), однако также положение должно сопровождаться достаточными гарантиями, которые исключают произвольное усмотрение. А в случае с системой надзора такое усмотрение не всегда исключено. Это происходило, помимо всего, ввиду широкого разрешительного распространения этой процедуры в течение многих лет, прежде всего с точки зрения круга инициаторов ходатайства о надзоре, так и сроков — слишком допустимых — возможности возбуждения такого ходатайства.

Тем не менее наш Суд допустил в своей практике, что есть случаи, когда надзор не нарушает статью 6 Кон-

¹ Протокол № 14 к Конвенции представляет собой, в основном, набор мер по оптимизации процедур Европейского Суда и ускорению процесса рассмотрения дел. По вопросу о Протоколе № 14 к Конвенции см. материалы в 9-м номере журнала за 2007 год (примечание редакции).

венции, например, по уголовным делам, в которых наш заявитель сам инициировал процедуру пересмотра дела, по которому уже вынесен приговор суда общей юрисдикции, либо когда исход пересмотра — в пользу заявителя; в этих случаях Суд пришел к выводу, что нет нарушения Конвенции. Однако следует еще определиться с позицией Суда по гражданскому судопроизводству.

В любом случае, могу заключить, что в целом к надзору надо подходить с большой осторожностью, а его «ценность» с точки зрения гарантий статьи 6 должна быть серьезно ограничена, он должен быть скорее исключением, чем правилом. Правовая определенность требует такого взвешенного подхода.

Виталий Портнов: Но ведь суд — это все-таки справедливость, а потом — право?

Христос Розакис: [смеется] Да, это так, верно. Но ведь мы-то с Вами сейчас говорим именно о праве.

Виталий Портнов: Поэтому ни одна судебная ошибка не должна оставаться неисправленной.

Христос Розакис: Конечно. В нашей новой судебной практике, касающейся нового надзорного производства в России, мы согласились с тем, что такая чрезвычайная процедура в некоторых случаях может существовать, но лишь тогда, когда существует принципиальная ошибка, существенная проблема, когда была совершена серьезная процессуальная ошибка.

Виталий Портнов: У каждого человека своё болит больше. И суд для человека, а не человек для суда.

Я благодарю Вас, г-н Розакис, что Вы нашли время для очень интересного и содержательного интервью.

Христос Розакис: Я также благодарю Вас и надеюсь, что мои ответы разъяснили и наши процессуальные подходы, и нашу судебную практику в отношении России.

Перевод с французского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

www.jur-people.ru